

БИБЛИОГРАФІЯ

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, издаваемые братствомъ св. Петра Митрополита подъ редакцію *Н. Сурбокина*. Томъ третій. Москва 1878 г.

Почтенное изданіе московскаго противораскольническаго Братства продолжаетъ продвигаться впередъ, и въ нынѣшнемъ году вышелъ третій томъ печатаемыхъ имъ матеріаловъ для первоначальной исторіи раскола. Не говоря о безспорно важномъ значеніи подобныхъ изданій для спеціальной разработки того сложнаго явленія, которому посвятило свою дѣятельность Братство, издаваемые имъ документы привлекаютъ и вниманіе неспеціалиста читателя, какъ живое изображеніе той эпохи, какъ наглядный, а иногда и художественно правдивый очеркъ тѣхъ личностей, которымъ суждено было играть видную роль въ первоначальной исторіи раскола, и наконецъ какъ мѣткая и яркая характеристика нравовъ, понятій и всей обстановки, подъ вліяніемъ которой сложились сильные, своеобразные характеры тогдашнихъ дѣятелей. Письма первыхъ расколуучителей, изданныя по рукописямъ гг. А. С. Уварова и Синодальной библіотеки, представляютъ чрезвычайно любопытные мемуары, въ которыхъ отыкаются типичныя черты тогдашней интеллигентной церковной среды и рисуются какъ будничныя такъ и оффиціальныя отношенія ея представителей. Невольно увлекаешься, читая эти вырванные изъ жизни страницы, начерченные перомъ тѣхъ са...

ныхъ личностей, около которыхъ вращались важнѣйшія событія тогдашней церковной жизни. Рядомъ съ этими записками идутъ и документы официальные: распоряженія и приказы властей, судебные акты и соборныя постановленія, вызванныя старообрядческимъ движеніемъ.

Третій выпускъ освѣщаетъ передъ нами замѣчательный эпизодъ изъ первоначальной исторіи раскола, извѣстный подъ именемъ Соловецкаго возмущенія, длившійся безъ малаго 20 лѣтъ и прекратившійся лишь тогда, когда сопротивление недовольныхъ сломлено было военною силою. Исторія этого кроваваго событія хорошо извѣстна, благодаря прежде изданнымъ документамъ, но настоящее изданіе дополняетъ ихъ многими новыми извлеченными изъ рукописей Синодальной бібліотеки, и разъясняетъ любопытныя подробности соловецкаго дѣла по подлиннымъ запискамъ его участниковъ. Кромя того здѣсь немало разсѣяно данныхъ для характеристичнаго внутренняго и внѣшняго быта знаменитой Соловецкой обители, а отчасти всего бѣломорскаго края, съ которымъ она состояла въ постоянныхъ сношеніяхъ, обрисовываются тогдашніе церковные хозяйственные и судебные порядки и много другихъ культурно-историческихъ подробностей. Мы не думаемъ конечно излагать по этимъ документамъ ходъ и детали Соловецкаго дѣла, но остановимся лишь на тѣхъ сторонахъ этой драмы, которыя получаютъ живое освѣщеніе благодаря вновь изданнымъ матеріаламъ и имѣютъ интересъ для внутренней исторіи тогдашняго общества. Съ чего началось соловецкое дѣло? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ соборномъ приговорѣ соловецкихъ старцевъ. Въ 1658 г. 30 августа пріѣхавъ въ Холмогоры, по указу митрополита Новгородскаго и Великихъ Лукъ Макарія, боярокій сынъ Иванъ Малгинъ и привезъ съ собою новопечатныя богослужебныя книги для раздачи по монастырямъ и погостамъ Заонежскаго края. Въ Холмогорахъ въ это время находился приказный старецъ Соловецкаго монастыря Іосифъ. Иванъ Малгинъ, призвавъ старца, „макнулъ на него тѣхъ печатныхъ книгъ церковныхъ три книги да служебниковъ пятнадцать книгъ и за тѣ книги доправилъ на немъ денегъ 28 рубль, восемь алтынъ да три деньги“. Вотъ прологъ соловецкой исторіи. Монастырь, составившій себѣ громкую извѣстность именами своихъ первыхъ устроителей, привлекавшій тысячи богомольцевъ изъ внутренней Россіи, съ твердо сложившимися внутреннею организаціею и порядкомъ церковной службы, наконецъ монастырь богатый на-

теріальными средствами и стоявшій во главѣ колонизаціи всего сѣвернаго бѣломорскаго побережья,—не могъ не чувствовать себя самостоятельнымъ хозяиномъ своего внутреннего быта и измѣнять свои старинные порядки службы. „Мы привыкли служить по старымъ службникамъ, говорятъ соловецкіе старцы, и по новымъ мы старые священники очередей своихъ недѣльныхъ держати не сможемъ, учиться по своей старости также не сможемъ да и некогда; что и учено было, и того мало видимъ... Лучше будетъ съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быти“. Настроеніе большинства братства было враждебно всякой даже самой незначительной новизнѣ въ области обряда. Цѣлое дѣло съ допросами и перепискою возникаетъ здѣсь изъ-за того, что „дьяконъ Іовъ Евангеліе чель безъ пелены и по заамвонной молитвѣ святыни (пачагіа—богородиченъ хлѣбъ) не выносили“. Священника, допустившаго этотъ беспорядокъ, обвинили „что онъ въ службѣ являетъ новое“, а бывшіе за обѣдено пришли съ жалобою къ келарю и казначею и били челомъ со слезами. Въ другой разъ вышла великая смута въ святилищѣ изъ-за того, что „одни изъ священниковъ причащались по правую сторону престола, а другіе по лѣвую“, и нужно было особенное постановленіе, чтобы однажды навсегда пресѣчь смуту и ввести въ обрядъ однообразіе. Въ новоисправленныхъ книгахъ, присланныхъ для монастырскаго употребленія, такихъ вариантовъ обряда было безъ смятѣнія много; такъ какъ исправленіе производилось по спискамъ имѣвшимъ каждый свои особенности, число которыхъ должно было возрасти еще больше при пользованіи старопечатными греческими изданіями. Въ Соловецкомъ монастырѣ были свои служебныя книги особой и вѣроятно однообразной редакціи, потому что онѣ вели свое начало отъ первыхъ устройствъ обители, и принятыя въ извѣстномъ изводѣ переписывались и распространялись съ него, сохраняя свой особый мѣстный обрядовый колоритъ и становясь такимъ образомъ въ извѣстномъ смыслѣ своеобразными. Исправленіе служебныхъ книгъ никогда не могло предусмотрѣть этихъ мѣстныхъ типовъ церковнаго устава, выработавшихся путемъ долгой практики, да и невозможно было усмотрѣть ихъ въ виду разнообразія мѣстныхъ центровъ книжнаго матеріала. Исправители могли опереться на массу даже хорошо выбранныхъ образцовъ, могли руководиться соображеніями вполне уважительными, и все-таки не могли не придти въ разногласіе съ другими компетентными литургическими подлинниками, установившимися и принявшими своеобраз-

ный типъ. Когда соловецкихъ пуристовъ мѣстнаго обряда хотѣли убѣдить въ неосновательности ихъ подозрѣній ссылкой на слѣдованную псалтирь, по которой служилъ ихъ первоначальникъ Зосима, тогда они выразили сомнѣніе, точно ли это книга зосимовскаго употребленія, и сомнѣвался съ своей точки зрѣнія основательно, потому что въ ихъ мѣстномъ зосимовскомъ изводѣ, положимъ слѣдованной псалтири, такихъ особенностей не встрѣчалось. Поэтому Соловецкая книжная палата была для старцевъ рѣшительницею вопроса о старомъ и новомъ, о правомъ и неправомъ въ области службы, хотя рѣшительницею мѣстною и одностороннею. А разъ такое мнѣніе установилось, они ссылались на свой чинъ какъ на компетентный и недопускали патріаршаго слѣдователя въ свою бібліотеку, боясь потерять тѣ документы, на которыхъ держалась ихъ почти двухвѣковая практика. Въ Соловецкой челобитной этотъ приемъ доказательства встрѣчается очень часто, и приводимыя ею составителями разности новоисправленныхъ книгъ отъ древнихъ основываются на фактическомъ разногласіи ихъ съ чинами соловецкими. Опровергать эти доводы съ фактической стороны едва ли можетъ безпристрастная критика челобитной: на ея долю остается мотивъ этихъ доводовъ, — неразумная и скрупулезная попытка во что бы то ни стало отстоять неприкосновенность и правоту одного стараго традиціоннаго текста. Церковная власть, отъ лица которой велось дѣло исправленія книгъ, противопоставляла недовольнымъ авторитетъ греческой церкви и ссылалась на имена греческихъ патріарховъ; но въ сожалѣнію этотъ аргументъ былъ не въ духъ того времени и не имѣлъ убѣдительности въ глазахъ тѣхъ, для кого предназначался. Тогдашнія наши церковныя отношенія къ Греціи носили уже натянутый характеръ, и ея политическое положеніе вмѣстѣ съ вытекавшими отсюда церковными затрудненіями сильно роняло авторитетъ этой страны исконнаго православія. Принявъ христіанство подъ обаяніемъ славы древней Византіи, какъ наслѣдницы стараго Рима, Русь дожила наконецъ до той поры, когда слава ея церковной митрополіи рушилась совершенно и самое политическое значеніе было потеряно съ переходомъ столицы въ руки мусульманъ. Рядомъ съ постепеннымъ паденіемъ Византіи шло возрастаніе московскаго государства, завершившееся въ церковной сферѣ учрежденіемъ патріаршества и формальнымъ іерархическимъ обособленіемъ русской церкви. Въ литературѣ того времени становится любимою темою мысль, что царству рус-

скому предназначено быть наследникомъ славы новаго Рима и оплотомъ православія, поруганнаго на Востоку агарянами. Сказанія о бѣломъ клобуку, о переселеніи на Русь святынь греческихъ и наиболѣе чтимыхъ чудотворныхъ иконъ, преданія о древнихъ монастыряхъ и ихъ благочестіи, цѣлый рядъ угоди-ковъ и святыхъ просіявшихъ въ русской землѣ и ставшихъ какъ бы залогомъ ея духовной зрѣлости — вотъ любимые мотивы этой основной темы, для которой однакожъ нашъ старинный книжникъ бралъ черты и краски изъ византійскихъ источниковъ и такимъ образомъ сближалъ славное прошедшее древней Греціи съ неменѣе славнымъ настоящимъ православной Руси. Характеристическіи образчики этой тенденціи даютъ рукописные святцы нашей Академической библіотеки № 201. Перечисляя славяно-русскихъ угоди-ковъ въ одномъ полномъ историческомъ каталогѣ, составитель направляетъ свой трудъ противъ притязанія грековъ, будто у нихъ однихъ процвѣтаетъ истинная вѣра и изъ ихъ земли вышли все святые и все святыни христіанскаго міра. Противъ этого притязанія русскій книжникъ выставляетъ цѣлый сонмъ отечественныхъ святыхъ и съ желчью укоряетъ грековъ, что они потеряли свои прежнія преимущества, что святыни ихъ разошлись по разнымъ землямъ, православіе ихъ стѣснено мусульманами, патріархи въ совершенномъ подчиненіи турецкимъ властямъ, переняли въ угоду побѣдителямъ ихъ обы-чай, и что только русская земля служитъ теперь единственною представительницею православія, померкшаго во всемъ мірѣ.

Вотъ почва, по крайней мѣрѣ книжная почва, — на которой держались отношенія тогдашняго интеллигентнаго слоя къ Византіи и на которой созидались первыя основы нашего національнаго сознанія, бывшаго до сихъ поръ въ совершенномъ подчиненіи византійскимъ образцамъ, или по крайней мѣрѣ считавшаго необходимымъ къ этому идеалу возводить и съ нимъ сближать проявленія національнаго духа. И вотъ въ такую-то пору и при такихъ-то невыгодныхъ условіяхъ самого греческаго быта наши церковныя власти обращаются къ авторитету іерархій греческой и притомъ въ такомъ дѣлѣ, которое, какъ тогда казалось, шло на перекоръ стародавнимъ обычаямъ русской церковной практики. Нѣтъ нужды, что эти формы на самомъ дѣлѣ были взяты первоначально изъ Византіи. Но онѣ прожили у насъ столько времени, сдѣлались такими привычными, такъ ассимилировались съ лицами и событіями родной почвы, наконецъ получили такую мѣстную переработку, что казались уже

туземнымъ произведеніемъ, нашимъ исконнымъ достояніемъ и авторизовались практикою великихъ людей церкви русской, съ ними жившихъ и достигшихъ святости. Соловецкое братство раздѣляло на этотъ счетъ тѣ же убѣжденія и высказывало ихъ со всею рѣшительностію.

„Имъ, Государь, грекамъ,—пишуть въ своей челобитной соловецкіе старцы,—православную христіанскую вѣру изронить не дивно: понеже живутъ толико множество лѣтъ посреде безбожныхъ и поганныхъ турковъ, во всякомъ озлобленіи и неволѣ и православную вѣру держать дни свои окупаючи, и многіе монастыри и церкви Божіи у нихъ стали въ конечномъ раззореніи. А книги, Государь, у нихъ отняли послѣ цареградскаго взятія римляне, и перепечатали ихъ по своему латинскому обычаю.“ (257—258). А разъ это было высказано, не трудно было сдѣлать еще шагъ впередъ и сочинить въ укоръ грекамъ разныя басни и выдумки, дискредитирующія ихъ набожность: будто самые лучшіе греческіе учителя, пріѣзжая на Русь, лица своего перекрестить не умѣютъ и ходятъ безъ крестовъ, чему дивятся самые неграмотные поселяне (252), что Арсеній грекъ богоотступникъ и еретикъ и по свидѣтельству духовника его, старца Мартирія (273) трижды отрицался Христа для какихъ-то египетскихъ ученій, что посылаемые на исправленіе въ Соловки „начальнѣйшія ихъ власти архіереи ни мало истиннаго благочестія и иноческаго чина и церковнаго и кедейнаго начала не знаютъ.“ (275) Не доставало того, что стануть выставять на показъ разныя дразги изъ ихъ монастырской жизни, которая конечно не могла быть безупречною, такъ какъ посылаемые подъ начальъ греки не отличались конечно строгими нравами. Не далеко было отсюда и до того, что въ глазахъ старообрядцевъ все греческое какъ иноземное сдѣлалось синонимомъ антиправославнаго и нововводнаго, и къ этому-то сводилась во многихъ случаяхъ ихъ аргументація: „попы мірскіе, Никонова преданія ревнители, ходятъ по римски безъ скуфей, оброслыми главами и волосы распустивъ по глазомъ аки паны, или опальные тюремные сидѣльцы, а иные носятъ вмѣсто скуфей колпаки черные и шапки кумыцкія (sic) и платье все не русское же, а чернцы ходятъ въ церковь Божію и по торгомъ безъ манатей безобразно и безчинно, аки иноземцы или кабацкіе пропойцы“ (303—304).

Впрочемъ строгій обрядовый пуризмъ соловецкой общины далеко не соответствовалъ ея нравамъ и образу жизни. Борьба партій, сутяжничество, интрига, недовольство уставомъ и раз-

гульная жизнь давали себя чувствовать очень сильно во внутреннемъ быту братства. Эта непривлекательная сторона соловецкихъ нравовъ рисуется яркими красками въ челобитной, поданной отъ монастыря Алексѣю Михайловичу, на тамошняго архимандрита Вареоламея. Если и половина того, въ чемъ обвиняють его старцы, было справедливо, и тогда нельзя не согласиться, что во главѣ монастырскаго управленія стоялъ человѣкъ совершенно деморализованный и тѣмъ больше, что официальное слѣдствіе признало это обвиненіе въ извѣстной мѣрѣ справедливымъ. Челобитчики пишутъ о Вареоламеѣ, что онъ „своею слабостію и небреженіемъ преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія во всемъ нарушилъ, и во всемъ монастырское благочиніе вконецъ растлилъ и разорилъ нестройнымъ своимъ житіемъ и пьянствомъ... Въ церкви Божіи безобразно кричить и братію безъ вины всякими непригодными словами бранить... недовольныхъ священниковъ и дьяконовъ безъ милости бьетъ плетью... Онъ настоятель держитъ у себя не тоцію чернцовъ молодыхъ, но и мірской чинъ, дѣтина въ 20 лѣтъ, Янушкою имя ему, ночуетъ у него и живетъ. (Уставы нашихъ монастырей, какъ извѣстно, строго запрещали не только держать, но и входить въ монастырь голоусымъ ребятамъ). Онъ опомлъ виномъ старца Анорью, такъ что тотъ умеръ, до того же довелъ онъ и сторожа Прокофья. Пользуясь слабостію настоятеля и его позволеніемъ привозить и продавать въ монастырь вино, братія „слабостію побѣдени и покупаючи пьютъ безобразно и опиваются до смерти“. Опасаясь доноса, архимандритъ посылалъ своихъ клеветовъ обыскивать по кельямъ, нѣтъ ли у кого какихъ писемъ, и если находилъ какія записки, то отбиралъ ихъ, хотя бы то были „тѣ свиточки писанные“, на которыхъ братія грамотная отмѣчала для смертнаго часа свои грѣхи. А богомольцевъ онъ заставлялъ съ клятвою на св. дарахъ ничего не раскрывать о монастырскихъ порядкахъ въ Москвѣ и хранить втайнѣ чему были свидѣтелями. Много поводовъ къ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ давали монастырскія вотчины и промыслы. Для сношенія съ своими службами нужно было имѣть особыхъ надзирателей на мѣстѣ, вести торговля дѣла и заниматься промышленными спекуляціями. Результатомъ этой оживленной колонизаторской дѣятельности были богатые доходы монастыря въ видѣ капитала (или казны) и разнаго рода запасовъ хлѣбныхъ, рыбныхъ и провизіонныхъ, которые шли на монастырскія нужды и въ продажу. Какъ вели-

ки были денежные средства монастыря, видно изъ того, что повѣренный по монастырскимъ дѣламъ въ Москвѣ, старецъ Кирилль въ два года издержалъ болѣе 19 тысячъ; а вошедшіе въ милость у настоятеля приказчики распоряжались монастырскими угодами безконтрольно и такимъ образомъ разоряли братскую казну. Надобно прибавить къ этому и еще одно обстоятельство, отзывавшееся крайне невыгодно на стрѣе тогдашней соловецкой жизни—равумѣемъ обыкновеніе, ссылатъ сюда на покаяніе и исправленіе разнаго рода лицъ какъ духовныхъ такъ и служилыхъ, подвергшихся суду за свои проступки. Эти лица обыкновенно сдавались съ наказомъ держать ихъ за крѣпкимъ присмотромъ и строгимъ послушаніемъ; но на практикѣ выходило иначе: опираясь на свои знатныя имена и прежнюю видную службу, они не подчинялись монастырскимъ порядкамъ, позволяли себѣ разныя вольности и сближаясь съ подобными себѣ изъ монаховъ, тѣмъ самымъ деморализовали и прочіихъ членовъ монастырской семьи. Образъ жизни этихъ случайныхъ соловецкихъ жильцовъ описываетъ монастырскій келарь въ челобитной царю (N XXI). А еще рельефнѣе рисуетъ тамошніе нравы оправдательная челобитная самого Варсолюма. Изъ нея оказывается, что монастырь держалъ въ числѣ своихъ братій такихъ людей, которыхъ иначе нельзя назвать какъ отчаянными ворами, мошенниками и душегубцами, (Докум. N XX) и на которыхъ монастырская расправа не разъ испытывала „нешадное біеніе плетью“ и другіе не менѣе жестокіе приемы „смирненія“. Если прибавить къ этому, что приемъ новыхъ членовъ братства былъ обставленъ очень легко, что въ среду ихъ допускались лица подозрительныя благодаря посуламъ, и настоятель распоряжался дѣлами безъ согласія братства, мы поймемъ, что въ составъ монастырской семьи такого многолюднаго учрежденія могло войти и вошло много негодныхъ членовъ, которые производили смуту и раздоры, являлись ложными доносчиками и недовольными.

Мы не хотимъ впрочемъ сказать, чтобы пора, о которой у насъ идетъ рѣчь, была эпохою разложенія соловецкой общины. Нѣтъ, древнія преданія монастыря сохранились по прежнему болшинство, и изъ него-то составилась тотъ крѣпкій фондъ, та дружная оппозиція, которая въ вопросѣ о принятіи новоправленныхъ книгъ обнаружила такую стойкость и энергію, что рѣшилась стоять на своемъ во что бы то ни стало и которую нужно было сломать силою. 22 января 1676 г. „ратные люди

Великаго государя, какъ говорить докладъ воеводы Ивана Мещерянова, Соловецкій монастырь взяли, воровъ и мошенниковъ побили, а иныхъ на бою ранили, и изъ тѣхъ раненыхъ 28 человекъ казнены смертію... А пушіе къ воровству заводчики да съ ними 32 человекъ до указа В. Государя вкинуты въ тюрьму.“ Монастырь нужно было колонизовать съизнова и притомъ людьми инаго закала, иныхъ убѣжденных, чѣмъ его прежніе поселники, выросшіе на почвѣ старинныхъ преданій обители и воспитанные въ духѣ исключительнаго уваженія къ своей домашней практикѣ, что касалось обрядовъ и порядка службы. Этимъ эпилогомъ соловецкой исторіи и заканчиваются изданные въ третьемъ томѣ документы. Но колонизація, какъ видно, шла не очень успѣшно, и репрессивныя мѣры властей безсильны были установить твердый строй жизни въ разшатанномъ обществѣ. Присланные изъ Москвы съ новымъ архимандритомъ Макаріемъ попы, дьяконы и крылошане, не доходя до Соловокъ, въ Вологдѣ, „хотѣли всѣ врозь разбрестись“, чувствуя нужду въ содержаніи, а прибывъ въ монастырь, „многіе изъ нихъ поскучали“ и уговаривались между собою бѣжать, если не будутъ отпущены домой по доброй волѣ. Архимандритъ просить у патріарха святительской грамоты къ военнымъ властямъ, чтобы они „насъ богомольцевъ твоихъ отъ бунтовщиковъ оборонили“, и патріархъ дѣлаетъ распоряженіе „такихъ оковавъ вкинути въ земляную тюрьму“, а для расправы съ безчинниками рекомендуетъ брать у воеводы стрѣльцовъ, „сколько пригоже“. Какъ успѣшны были эти мѣропріятія для удержанія недовольныхъ и для возстановленія порядка, изданные документы не говорятъ, но видно новый настоятель былъ не въ состояніи справиться съ дѣлами, и едва проживъ одинъ годъ уже бьетъ челомъ и плачется патріарху Іоакиму „за скудость ума и сердечныя ради скорби отпустить его на обѣщаніе въ Никандрову пустынь, а Соловецкаго монастыря мнѣ богомольцу твоему не управитъ“. Впрочемъ, ближайшее ознакомленіе съ бібліотекою и ризницею монастыря, при новомъ управленіи, убѣдило патріаршаго слѣдователя, что соловецкіе раздорники дѣйствовали не столько по убѣжденію, сколько по упрямству и вопреки очевидной истинѣ. Такъ въ міротворномъ кругѣ онъ сыскалъ символъ безъ прилогу „истиннаго“, въ уставѣ чинъ церковный написанный согласно съ новоисправленнымъ и печатнымъ, а на паперти соборной церкви преподобные чудотворцы Зосима, Савватій и Германъ были изображены въ греческихъ

влобукахъ и камилавкахъ, а писанъ тотъ образъ по представле-
ніи преп. Зосимы по тридесяти лѣтъхъ. Вслѣдствіе такихъ оче-
видныхъ уликъ „воры и мятежники учинились безсловесни яко
скоти и во всемъ соборной и апостольской церкви покорни яви-
лися“ (443).

И. М—съ.
